

Наталья Святославна Грибанова

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, ns.gribanova@yandex.ru

Елена Александровна Коляскина

Независимый исследователь, г. Бийск, Россия, storik8881@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДОВ АЛТАЯ НА БАЗЕ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В.В. БИАНКИ (1920–1980-е гг.)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса становления и развития этнографических исследований как одной из основных форм работы музеев Алтайского края в 1920–1980-е гг. На примере Бийского краеведческого музея выявлены направления, формы и проблемы изучения народов Алтая в рассматриваемый период, охарактеризована методика и основные результаты этнографических исследований. Затронуты вопросы влияния личного интереса и творческих контактов на результаты профессиональной деятельности сотрудников музея. Исследование показало, что становление Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки как регионального центра изучения народов Алтая стало возможным благодаря активной и профессиональной деятельности сотрудников, прежде всего Б.Х. Кадикова. *Ключевые слова:* этнографические исследования, экспедиция, народы Алтая, алтайцы, старообрядцы Алтая, этнографические коллекции, Бийский краеведческий музей, Б.Х. Кадиков.

Natalia S. Gribanova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, ns.gribanova@yandex.ru

Elena A. Kolyaskina

Independent researcher, Biysk, Russia, storik8881@mail.ru

THE FORMATION OF A REGIONAL CENTER FOR THE STUDY OF THE ETHNIC GROUPS OF ALTAI ON THE BASIS OF BIYSK LOCAL HISTORY MUSEUM NAMED AFTER VITALY BIANKI (1920s–1980s)

Abstract. The article is devoted to the process of formation and development of ethnographic research as one of the main forms of work of the Altai Territory museums in the 1920s–1980s. By the example of Biysk Local History Museum named after Vitaly Bianki, the directions, forms and problems of studying the ethnic groups of Altai in the given period are identified, the methodology and the main results of ethnographic research are characterized. The issues of the influence of personal interest and creative contacts on the results of professional activity of the museum staff are considered. The study showed that the formation of Biysk Local History Museum named after Vitaly Bianchi as a regional center for the study of the ethnic groups of Altai became possible thanks to the active and professional activities of the staff, especially, B.H. Kadikov. *Keywords:* ethnographic research, expedition, the ethnic groups of Altai, Altaians, Old Believers of Altai, ethnographic collections, Biysk Local History Museum, B.H. Kadikov.

Этнографические исследования народов Алтая, активно проводившиеся в конце XIX – начале XX в. представителями творческой интеллигенции, со становлением советской власти не только не прекратились, но и получили новый импульс к развитию. Стремления городской интеллигенции к исследовательской и общественной деятельности и политика нового государства в области науки и культуры привели к становлению музейной сети в Алтайской губернии и активизации этнографических исследований как одной из форм деятельности местных краеведческих музеев. В 1920–1980-е гг. именно краеведческие музеи становятся центрами изучения народов Алтая. Они осуществляли активную собирательскую и просветительскую деятельность

в области этнографии силами штатных сотрудников и объединяли разрозненные исследовательские силы [1, с. 175].

Несмотря на то, что в последние десятилетия наблюдается значительный интерес исследователей к истории краеведческого движения и этнографического изучения Алтая [1–8; 9, с. 69], вклад музеев в изучение народов региона остается все еще не определенным. Отдельные публикации об истории музеев, формировании и составе коллекций, полевых исследованиях последних лет не дают представления о развитии этнографических исследований на всем протяжении деятельности музеев, отсутствует характеристика этнографических коллекций большинства музеев региона.

В настоящей статье охарактеризован процесс становления и развития Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки в 1920–1980-е гг. как одного из центров по изучению народов Алтая. Источниками для проведения исследования послужили материалы документального фонда Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки, периодической печати и интервьюирования сотрудников музея.

Бийский советский народный музей (совр. – Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки, далее – БКМ) был открыт 14 апреля 1920 г. Первоначально в фонд музея вошли экспонаты естественно-исторического кабинета Алтайского народного университета, а также вещи, реквизированные и принесенные «трудящимися» [10, с. 3–4; 11, с. 9, 63]. Музей вошел во вновь создаваемую музейную сеть Алтайской губернии, наряду с Алтайским губернским центральным советским музеем, районными, сельскими и уездными музеями г. Камня-на-Оби, г. Славгорода, с. Чемал [2, с. 51].

С осени 1920 г. руководила работой музеев Музейно-экскурсионно-выставочная секция политико-просветительского отдела народного образования исполнительного комитета Алтайского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В ее задачи входили: популяризация науки среди широких слоев населения; развитие интереса населения к окружающей природе; всестороннее изучение Алтайского края; сохранение памятников природы и «народного творчества»; издание популярных и научных трудов [2, с. 51]. «Снаряжение экспедиций» считалось эффективной формой научных исследований и сбора музейных материалов для реализации поставленных задач. При этом этнографические исследования определялись как обязательная часть «культурно-исторического цикла краеведения» наряду с археологией, геологией и т. д. [12, с. 125–129]. Это заложило традицию проведения музеями преимущественно комплексных краеведческих экспедиций.

С 1926 г. за каждым музеем закреплялась территория, на которой он должен был проводить сбор и исследование материала, а также пропаганду краеведческих знаний. Бийскому музею отводилось «верхнее течение рек Бии и Катунь и основная (горная) часть Алтая» [13].

В первый же год работы Бийского советского народного музея были запланированы и проведены две этнографические экспедиции сотрудников музея: художника-архитектора Ю. Ирасека в с. Чемал и А.И. Аверина в ст. Усть-Чарыш

[14, с. 54]. В результате первой поездки музей «обогатился 30-ю оригинальными рисунками алтайских орнаментов» [14, с. 57]. Вскоре штат музея (14 ставок) был сокращен, и у оставшихся двух сотрудников возникли сложности с обеспечением функционирования музея в период проведения экспедиций [12, с. 131]. Так, в газете «Звезда Алтая» за июль 1924 г. было размещено объявление о временном закрытии музея на экспедиционный период [14, с. 59].

В такой ситуации выходом стало привлечение на время экспедиций так называемых «добровольных сотрудников» из числа краеведов-педагогов, художников, хорошо понимавших цели и задачи музея в деле этнографического изучения местных народов. Так «преподаватель-этнограф» А. Салтыков совершил этнографические экспедиции (1920, 1929) в с. Катанда и с. Верх-Уймон Усть-Коксинского аймака для сбора данных о старообрядцах Алтая и закупил для музея предметы одежды, сделал зарисовки интерьерных росписей [15, с. 56; 16]. «Художник-этнограф» Д.И. Кузнецов собирал «этнографический и краеведческий материал о кумандинском племени алтайцев и черневых татарах» в районе Телецкого озера и р. Лебедь (1925, 1926) [7; 11, с. 79]. В 1926 г. газета «Звезда Алтая» сообщала, что в связи с необходимостью расширения экспозиции (музей получил новое двухэтажное здание) исследователь Д.И. Кузнецов будет работать среди «туземного населения», соберет коллекции по этнографии, коллекции насекомых и сделает зарисовки [11, с. 80–81]. Из этой поездки в фонды музея поступило 87 предметов, есть рисунки кистью и карандашом, изображающие алтайские аилы, дома русских старожилов Алтая и их интерьеры [13]. Следующая экспедиция (1928) Д.И. Кузнецова была организована для «сбора этнографии» среди алтай-кижи и изучения «брачного права и обряда» [13]. Его занятие этнографией было не случайным. Являясь учеником алтайского художника Г.И. Гуркина, он обладал «страстью к этнографическому рисунку с натуры» и опыт экспедиций по Горному Алтаю. В доме учителя Д.И. Кузнецов общался со многими исследователями, включая А.В. Анохина, Г.Н. Потанина, Г.Д. Гребенщикова [11, с. 15–22, 27].

Нехватку сотрудников БКМ восполнял также за счет сети «добровольных корреспондентов», в основном из числа сельских педагогов. В документах музея сохранились их удостоверения. Так, заведующий школой в д. Боровлянка мог собирать коллекции по всем отделам естествознания и этнологии в пределах Баццелакского и смежных

с ним районов Бийского округа. Учитель школы в с. Сайлап – в пределах Новиковского и смежных районов [13].

Большое значение в организации и финансировании экспедиций в первое десятилетие работы музея имели различные общественные организации. В сборе первых коллекций при организации музея в 1918 г. участие принимали «Союз Культурно-просветительских учреждений и организаций» и «Бийское Сельскохозяйственное общество» [14, с. 52]. В 1920-е гг. музей сотрудничал с «Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока» и с «Алтайским отделом Русского географического общества», центр которого находился в г. Барнауле. 22 января 1928 г. газета «Звезда Алтая» писала, что Бийский музей вступил в «Общество по изучению производительных сил Сибири» и получил от СибОНО 500 руб. на научно-исследовательские работы [14, с. 60]. На часть этих средств и была организована экспедиция Д.И. Кузнецова 1928 г. [13].

Одной из форм комплектования этнографических коллекций советских музеев в первые годы их существования был обмен экспонатами. Сотрудники БКМ активно вели переговоры с другими музеями по этому поводу. Так, в 1930 г. состоялся обмен дубликатами коллекций между БКМ и Ойротским музеем: А.И. Новиков передал предметы и фотографии телеутов, алтай-кижи и казахов, собранные в конце 1920-х гг. в Горном Алтае совместно с А.В. Анохиным [13, 16].

Таким образом, к 1927 г. в результате достаточно активной собирательской деятельности, проводимой музеем, несмотря на финансовые и кадровые проблемы, была сформирована основа этнографической коллекции БКМ, насчитывающая 300 предметов. Как и в большинстве сибирских музеев того времени, они представляли коренное население региона – предгорий и Горного Алтая [12, с. 125–129].

С 1930-х гг. исследовательская жизнь музея практически замирает по причине материальных трудностей, текучести кадров и частой смене руководства [10, с. 7–8]. Отчет 1932 г. сообщает, что «самостоятельно музей лишен возможности проводить экспедиции, что не дает возможности пополнять коллекцию фондов, экспонаты поступают случайно [17]. Судя по документам музея, только в 1937 г. была совершена экспедиция в с. Солоновка Смоленского района. При всем этом к 1942 г. в БКМ насчитывалось 760 предметов этнографии [13].

Возобновление собирательской деятельности краеведческих музеев по всей стране и в Ал-

тайском крае приходится на вторую половину 1950-х гг. Этому способствовали как либерализация общественно-политической и культурной жизни страны после XX съезда КПСС, так и расширение научно-методической базы музейного дела [3, с. 99]. Не последнюю роль в этом сыграло и пополнение штатов музеев молодыми специалистами.

Активизация экспедиционных исследований БКМ во второй половине XX в. во многом связана с началом профессиональной деятельности выпускника исторического факультета Пермского университета Бориса Хатмиевича Кадикова. На протяжении всех лет работы в музее (с 1955 г.) в должности сотрудника, а затем заведующего отделом дореволюционной истории и директора музея (1971–1987 гг.) Б.Х. Кадиков проводил активные полевые археологические и этнографические исследования. Несмотря на то, что его специализацией была археология, уже в ходе первых экспедиций Борис Хатмиевич использовал широкий «арсенал» методов сбора и фиксации этнографических материалов, продемонстрировал профессиональный подход к организации и проведению этнографических исследований. В частности, в ходе обследования алтайских и старообрядческих сел Онгудайского, Усть-Канского и Усть-Коксинского районов Горного Алтая (1959) Б.Х. Кадиковым и директором музея Г.И. Панаевым помимо выявления и приобретения у местного населения предметов этнографии проводилась фотосъемка поселений, жилищ, предметов быта, орудий труда и прикладного творчества, жителей сел, трудовых процессов, копировался орнамент деревянных изделий (сундуков) в технике эстампа, проводились устные опросы, записывались диалекты. Все сведения подробно фиксировались в дневниках, составлялись аннотации к приобретенным предметам. Для работы среди алтайцев в экспедиции участвовала переводчица А.А. Маршалкина. По окончании экспедиции ее участники поддерживали связь с четырьмя жителями сел, выслали им бесплатно 54 экспедиционные фотографии [18].

В 1960 г. по направлению «научно-исследовательская и собирательская работа» отдел дореволюционной истории во главе с Б.Х. Кадиковым провел две этнографические экспедиции, в которых кроме вышеперечисленных форм работы участники активно собирали материалы о технологии производства приобретаемых для музея предметов [13]. Приобретение экспонатов осуществлялось на разных условиях: безвозмездно,

покупка, обмен. Стеснения в средствах не всегда позволяли приобрести интересную вещь, приходилось проявлять смекалку. Б.Х. Кадиков часто уговаривал хозяина обменяться на предмет, который мог также использоваться в хозяйстве: алтайский сундук и ташаур на большой ящик, прох и листовой табак, дверь с росписью на обычную [18–20].

В 1960-е – начале 1970-х гг. Б.Х. Кадиков проводил практически ежегодные этнографические экспедиции. Основными локациями его исследований являлись алтайские села Усть-Канского района и старообрядческие Усть-Коксинского района Горно-Алтайской автономной области, Красногорского, Солонешенского, Сорокинского (Заринского) районов Алтайского края [8, с. 105; 18; 19; 21, с. 55]. Повторные поездки Б.Х. Кадикова в одни и те же села способствовали восприятию его сельчанами как уже знакомого человека, помогали войти в доверие и добиться успеха в сборе этнографического материала. Исследователь собирал сведения о потенциальных дарителях или сдатчиках экспонатов, как это было принято в среде музейных специалистов того времени. В документации отдела значились пометки с адресами, фамилиями потенциальных сдатчиков и списком интересных вещей: «Ул. Ленина 252, кв... – Покровская... – иконы, вазы, зажигалки... стол» [22]. Сотрудники музея, впервые участвовавшие в экспедициях с Б.Х. Кадиковым, удивлялись легкости его общения с информантами, даже со старообрядцами [20].

Б.Х. Кадиков активно интересовался достижениями в изучении этнографии региона, получал новую литературу, вел переписку и совершал командировки для занятий в центральные музеи (Государственный музей этнографии народов СССР, Государственный музей антропологии и этнографии АН СССР) и сибирские архивы с целью получения новых материалов, общался со специалистами, поддерживал связи с сотрудниками научных организаций и вузов (Новосибирский госуниверситет, Бийский пединститут) и др. Это позволяло ему эффективно выстраивать и собирательскую и исследовательскую деятельность в области изучения народов Алтая. Так под влиянием этнографов Л.П. Потапова и П.И. Каралькина он приходит к выводу о недостаточности материалов по культуре кумандинцев для системного показа в экспозиции музея и решает активизировать сбор материала этого профиля [23, с. 210].

В документах музея этого периода четко прослеживается связь между собирательской дея-

тельностью участников экспедиции и планами экспозиционно-выставочной работы отдела дореволюционной истории. Полевая работа становится планомерной, исходит из необходимости обновления и восполнения лакун в экспозиции, определяются темы сбора. Согласно отчетам 1960 г. в экспозиции БКМ кроме зала «Этнографии алтайцев» было несколько этнографических стендов: «Культура и быт старожильского русского населения Алтая», «Техника дореволюционного хозяйства». В 1960 г., вероятно, для зала «Этнографии алтайцев» секретарю партийной организации овцесовхоза с. Ябаган был «оставлен заказ на поиски подходящей для экспонирования конической юрты» [13]. Начиная с 1961 г. планирование сборов с составлением списков необходимых предметов становится обычной практикой. Так, например, в 1962 г. планировалось приобрести коническую юрту алтайцев, по теме «старообрядцы на Алтае», холщовые портки и рубаху, валяную шляпу, «вышивки» полотенца, рукава, пояса и т. д. В 1963 г. в план сбора внесены «а) кустарные (шорно-седельные, кожаные и пимокатные) ремесла старого Бийска; б) камлание шамана (костюм алтайки и алтайца); в) техника дореволюционного сельского хозяйства (бороны, цепь, фотографии и рисунки моментов сельхоз. работ)» [18]. В 1964 г. для обновления и систематизации этнографической экспозиции Б.Х. Кадиковым планировалось «провести сбор этнографического материала по темам: а) усадьба старообрядца; б) юрта алтайца, летний сезон». Был разработан план создания диорамы «Камлание шамана» [18].

Еще одной особенностью работы сотрудников БКМ под руководством Б.Х. Кадикова был выход за рамки предписанной нормативными актами тематики исследований. Так, помимо сбора воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Алтае, бийских гвардейских соединений Великой Отечественной войны уже с конца 1950-х гг. в круг их интересов входит и городская этнография, что было новаторским для того времени. Собирались воспоминания городских старожилов, служивших у бийских купцов, в мастерских, орудия труда и оборудования мастерских ремесленников – пимокатов, кожеделов, шорников, сапожников и т. д. С 1970-х гг. музей собирает образцы деревянного домового декора (наличники, фризовые доски и т. п.), демонтированные с городских зданий. [18]. Есть в документальном фонде музея и записи городского фольклора 20–30-х гг. XX в. [24].

Проводимые этнографические исследования носили прикладной характер. Собранные материалы использовались не только для пополнения музейных коллекций и экспозиций, но и для разработки просветительских лекций и экскурсий, передвижных выставок, подготовки туристических маршрутов, ведения кружковой работы со школьниками и студентами пединститута, повышения квалификации учителей в области краеведения. Все эти формы работы составляли обязательную часть деятельности краеведческих музеев советского периода.

Во второй половине XX в. при музее стабильно функционировал краеведческий кружок, который был организован еще в 1931 г., но изначально работал с перерывами [17]. Он состоял из школьников, вовлекались в него и студенты. В документе 1963 г. он назван «вечерний университет краеведения» [18]. Это была не только форма популяризации, но и восполнения нехватки сотрудников к летнему полевому сезону. Часть кружковцев ехала в экспедицию, а часть в это время заменяла экскурсоводов. Кружковцы активно привлекались и для сбора материала в городе. В течение года проводились занятия, включавшие подготовку и по этнографии Алтая, в частности методику полевой работы [13, 18].

Музей активно привлекал местное население к собирательской работе, которое предоставляло информацию и предметы. Также продолжали использовать сеть корреспондентов, в плане на 1959 г. был пункт: «Расширять сеть корреспондентов... в целях информации и сбора исторических и этнографических материалов». Во время экспедиций устанавливали связи с местными жителями исследуемых сел: учителями, клубными работниками, библиотекарями и т. д. Б.Х. Кадиковым поддерживались связи с заочниками Бийского пединститута – преподавателями истории из школ Бийского района [18].

1960–1970-е годы стали не только временем активных этнографических исследований Б.Х. Кадикова, но и других молодых сотрудников музея. Н.А. Цехановская за годы работы в музее (1963–1978) руководила этнографической экспедицией (1964) и участвовала в комплексных экспедициях музея. Целью поездки в Солтонский и Алтайский районы Алтайского края было изучение хозяйства, культуры и быта кержаков, сбор материалов по одежде, домашней утвари, сельхозинвентаря и фольклора. В отчете исследовательница пришла к выводу о большей замкнутости староверов Солтонского района и вовлеченности в советскую культуру (кроме

религии) кержаков Алтайского района. В подготовке первой экспедиции помогал Б.Х. Кадиков, поскольку Н.А. Цехановская на тот момент не имела профильного образования, а училась заочно на геолого-географическом факультете Томского госуниверситета [18]. В условиях нехватки кадров научные сотрудники разных отделов помогали друг другу в сборе и музеефикации материалов [18].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в экспедициях музея принимала активное участие преподаватель Бийского пединститута филолог по образованию В.Я. Сенина. В круг ее научных интересов входил сбор говоров и народных песен среди русских старожилов Солонешенского и Усть-Коксинского районов [18, 25, 26]. Также ею была пополнена коллекция БКМ орудиями обработки льна [8, с. 106].

Во второй половине 1960-х гг. музей сотрудничал с молодым этнографом Ф.А. Сатлаевым, который в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кумандинцы Алтайского края» под руководством доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова. Будучи уже сотрудником Горно-Алтайского института истории, языка и литературы, помогал БКМ в сборе новых материалов по этнографии кумандинцев (вещей и фотографий) для создания самостоятельной экспозиции [20; 23, с. 210; 27].

С середины 1970-х гг. этнографические исследования входили в сферу научных интересов выпускника исторического факультета Томского госуниверситета В.Н. Третьякова, которого можно назвать профессиональным этнографом (погиб в 1980 г. во время одной из экспедиций) [20]. Сохранился отчет историко-этнографической экспедиции 1975 г. под его руководством в Алтайский и Солонешенский районы Алтайского края совместно с научным сотрудником С.Н. Скрипиным и художником Ю.П. Коробейниковым. В задачи поездки входили сбор «вещественных этнографических материалов, характеризующих культуру и быт старообрядцев Алтая, устных сведений по истории, культуре и быту старожильского русского населения на конец 19 – нач. 20 вв.». Информанты подбирались через сельских учителей географии и истории, выявлялись предметы, которые могли быть приобретены для музея. Всего было приобретено 23 предмета «культуры и быта» русских старожилов Алтая, собраны сведения по технике изготовления тканых орнаментов и берестяных туесов, обработки льна, по истории старообрядческих сел [28].

В конце исследуемого периода сбором этнографического материала занимались директор музея Н.А. Барышникова, главный хранитель О.Б. Ануфриева и научный сотрудник Е.А. Грехова в рамках комплексных экспедиций (1988, 1989, 1991) в Алтайский, Солонешенский и Усть-Канский районы. Работу они начинали с обращения в администрацию или школу села для составления списка информантов из числа русских старожилов, преимущественно кержаков, и алтайцев [29–31].

В экспедиции 1988 г. Н.А. Барышникова и О.Б. Ануфриева впервые самостоятельно проводили сбор этнографического материала и ощутили проблемы с коммуникацией с местным населением, которое неохотно шло на контакт. В последствии Б.Х. Кадиков объяснил молодым этнографам, как нужно выстраивать общение с информантами [20]. Судя по материалам дневника экспедиции 1989 г., маршрут экспедиции был подготовлен за 10 лет до проведения, были сделаны выписки из краеведческой литературы и из книг поступлений [29–31].

Музей рассматривался его сотрудниками как аккумулятор и хранилище исторических источников и культурных образцов, ретранслятор их широким народным массам. Научный анализ этнографического материала, собранного музеем, и публикация его результатов осуществлялся в основном профессиональными этнографами, приезжавшими в Алтайский край из крупных научных центров.

Так в 1954–1955 гг. с этнографической коллекцией знакомилась сотрудница Научно-исследовательского института художественной промышленности Н.И. Каплан. В 1959 г. с фондами музея ознакомился научный сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР П.И. Каралькин [18]. В 1960 г. этнографическая коллекция по русским Алтая была обследована наряду с материалами других музеев региона для дополнения и иллюстрации полученных сведений аспирантками Института этнографии АН СССР В.А. Липинской и А.В. Сафьяновой [32, с. 99]. В 1963 г. в фондах работала этнограф из Горно-Алтайского НИИЯЛ Е.М. Тоцакова. Летом 1964 г. за консультацией к сотрудникам музея перед поездкой в экспедицию в Бийский, Солтонский, Смоленский районы обращались фольклористы-музыковеды из Ленинградской консерватории Н.Л. Котикова и Г.Г. Белов [18; 33, с. 548]. Этнографические материалы музея изу-

чал специалист по шаманизму из Венгрии Вильмош Диосеги [18].

Изучали этнографические коллекции музея и консультировались с Б.Х. Кадиковым о намеченных полевых исследованиях в южных районах Алтайского края и современной Республики Алтай многие сибирские ученые: Л.М. Русакова, Е.Ф. Фурсова, Ф.Ф. Болонев, И.В. Куприянова [8, с. 108]. По сути, Б.Х. Кадиков выступал в роли проводника-консультанта, направлявшего этнографов, впервые приехавших на Алтай, советуя им села и районы в зависимости от цели исследования. Сами сотрудники музея использовали собранные этнографические материалы для подготовки публикаций преимущественно научно-популярного характера в местные газеты для широких масс: «Бийский рабочий», «Звезда Алтая» и др. В документальном фонде музея сохранилось несколько рукописей сотрудников: «Мифы, предания, легенды Алтая» (Б.Х. Кадиков), Самобытное искусство (С. Скрипин), «Названия месяцев года на кумандинском языке» (В.М. Данилов).

Таким образом, процесс становления этнографических исследований народов Алтая в Бийском краеведческом музее был начат в 1920-е гг. краеведами-любителями. Тогда была заложена традиция экспедиций для сбора материалов по этнографии коренных народов и русских старообрядцев предгорных и горных районов Алтая, сформирована основа коллекции. С конца 1950-х гг. проведение экспедиционных исследований стало регулярным, хорошо спланированным, связанным с экспозиционной работой и методически грамотным, а характер многих из них – комплексным археолого-этнографическим. Формы и методы работы в экспедициях, применяемые сотрудниками музея, были направлены не только на сбор предметов с целью комплектования коллекций, но и на создание комплексной источниковой базы по истории и культуре изучаемых народов. Этому способствовало взаимодействие сотрудников музея с профессиональными исследователями-этнографами страны, изучавшими народы Алтая, в форме консультаций, совместных экспедиций, общения. Исследование показало, что становление Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки как регионального центра изучения народов Алтая стало возможным благодаря активной и профессиональной деятельности сотрудников, прежде всего Б.Х. Кадикова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щеглова Т. К. Этнографические исследования в Алтайском крае // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. С. 171–185.
2. Тишкина Т. В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 312 с.
3. Беневаленская Е. Н., Демин М. А. Историческое краеведение в культурно-образовательном пространстве Алтайского края (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.). Барнаул: АлтГПУ, 2020. 335 с.
4. Куприянова И. В., Грибанова Н. С., Богочанова А. В. Этнографическое музееведение: формирование этнографических собраний России: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во АГИК, 2018. 127 с.
5. Этнографическое исследование Алтая в 1920-х гг. XX в. // Международный продовольственный форум «Продовольственная безопасность. Аграрно-политический диалог», г. Барнаул, 16–19 июля 2013 г. / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул: Полиграфконтакт, 2013. С. 279–282.
6. Этнографическое изучение Горного Алтая в контексте государственных преобразований 1920–1930-х гг. // Анохинские чтения: материалы VI Науч. конф., посвящ. 140-летию А. В. Анохина, 27–30 окт. 2009 г. Горно-Алтайск, 2013. С. 253–257.
7. Роль творческой интеллигенции в этнографическом изучении Алтая в 1920–1930 годах // Пятые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов XIII Науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. С. Царева. Барнаул: Алт. дом печати, 2014. С. 123–130.
8. Соловьева С. А. Полевые экспедиции Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки // Краеведческий вестник. Историко-публицистический альманах. Бийск, 2014. Вып. 17. С. 103–108.
9. Грибанова Н. С. Изучение и введение в научный оборот этнографических коллекций музеев Алтайского края в контексте развития музееведения и региональной этнографии конца XX – начала XXI в. // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 5. С. 66–72.
10. Ирисов Э., Цехановская Н. Бийскому краеведческому музею 50 лет // Краеведческий вестник. Бийск, 1970. Вып. 2. С. 3–13.
11. Прибытков Г. И. Алтайский художник-педагог Д. И. Кузнецов. Бийск, 2010. 188 с.
12. Ауэрбах Н. К., Черемных Г. Н. Состояние музейного дела в Сибирском крае // Жизнь Сибири. 1928. № 9–10. С. 125–134.
13. Отчеты Бийского краеведческого музея за 1926–1962 гг. // Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки (БКМ). Документальный фонд.
14. Летопись Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки в документах и фактах / сост. Н. И. Занина // Бийская история Чуйского тракта. Барнаул, 2020. С. 52–128.
15. Соловьева С. А. Пояса русских крестьянок (по материалам Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки) // Краеведческий вестник. Историко-публицистический альманах. Бийск, 1999. Вып. 8. С. 56–58.
16. Отчет о деятельности музея за 1928–1932 гг. // БКМ. Документальный фонд.
17. Музейная документация 1920–1950 гг. (папка) // БКМ. Документальный фонд.
18. Отчеты и планы работы отделов музея. 1955–1965 гг. // БКМ. Документальный фонд.
19. Отчет о поездке в с. Усть-Кокса Г. Алт. а. о. и. о. директора музея Кадикова Б. Х. в августе м-це 1971 г. // БКМ. Документальный фонд.
20. Интервью Стрелец О. Б. // Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Запись от 06.09.2021.
21. Соловьева С. А. Народные росписи Алтая (Из собрания Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки) // Краеведческий вестник. Историко-публицистический альманах. Бийск, 2000. Вып. 10. С. 54–57.
22. Дневник учета работы по отделу истории досоветского периода на 1970 г. // БКМ. Документальный фонд.
23. Кадиков Б. Х. Зал истории, быта и культуры кумандинцев Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 209–211.
24. Мельникова Т. Частушка // Краеведческий вестник. Историко-публицистический альманах. Бийск, 1999. Вып. 9. С. 46–51.
25. Сенина В. Я. Выявление значений слов при прямом опросе (на материале русских говоров Алтая) // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. С. 126–135.
26. Сенина В. Я. Система личных глагольных форм в говоре «поляков» Солонешенского района // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. 1977. Вып. 7. С. 183–188.
27. Экспонаты, приобретенные у Сатлаева Н. А. (конверт с фотографиями) // БКМ. Документальный фонд.
28. Историко-этнографическая экспедиция БКМ 1975 г. Бийск – Алтайское – Карпово – Солонешное – Топольное – Сибирячиха – Бийск. Отчет // БКМ. Документальный фонд.
29. Полевой дневник экспедиции. Июль 1988 г. // БКМ. Документальный фонд.
30. Полевой дневник экспедиции БКМ им. В. В. Бианки. 21 июня – 2 июля 1989 г. // БКМ. Документальный фонд.
31. Полевой дневник экспедиции Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки. Лето 1991 г. // БКМ. Документальный фонд.
32. Липинская В. А. Изучение русского населения Алтайского края московскими этнологами // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (47). С. 97–118.
33. Якубовская Е. И. Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. С. 512–584.